СИЛА МЫСЛИ

ЭДВАРД ТЭЙЛОР

ДЖЕЙМС ФРЕЗЕР

ПЕРВОБЫТНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ

ВЕЛИКИЙ ВОЖДЬ И САКРАЛЬНАЯ ВОЙНА

Эдвард Беннет Тайлор
Джеймс Джордж Фрэзер

Первобытный менталитет. Великий вождь и сакральная война

Серия «Сила мысли»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74685211
Первобытный менталитет. Великий вождь и сакральная война:
ISBN 978-5-00269-326-9

Аннотация

Авторы этой книги Эдвард Тэйлор (1832-1917) и Джеймс Фрезер (1854-1941), являются признанными основателями антропологии и этнологии. Особое внимание оба исследователя отводят магическим и религиозным основам жизни первобытного общества, в том числе культу верховного вождя и сакральной войне, которые в сознании древних людей связывались с некими мистическими сущностями.

«В те времена божественность, окутывающая вождя, была выражением твердой веры. Если верховный правитель – бог, он должен хранить свой народ; если же он этого не делает, то должен уступить место более способному, -пишет Дж. Фрезер. –

Преданность, религиозное почитание обращаются в ненависть и презрение; его прогоняют с позором, если вообще оставляют в живых. Сегодня ему поклоняются как богу, а завтра убивают как преступника».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Люди и боги[1] 6
Введение 6
Пережитки и суеверия 15
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Эдвард Тэйлор, Джеймс Фрезер Первобытный менталитет Великий вождь и сакральная война

© Д. А. Коропчевского и др., перевод, 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

Люди и боги[1]

Введение

Характер и нравы человечества обнаруживают однообразие и постоянство явлений, заставившие итальянцев сказать: «Весь мир есть одна страна».

Как однообразие, так и постоянство можно проследить, без сомнения, с одной стороны, в общем сходстве природы человека, с другой стороны, в общем сходстве обстоятельств его жизни. Особенно удобно изучать их путем сравнения обществ, стоящих приблизительно на одинаковом уровне цивилизации. При таких сравнениях не следует придавать большого значения хронологической датировке или географическому положению. Обитатели озерных жилищ древней Швейцарии могут быть поставлены рядом со средневековыми ацтеками, а североамериканские оджибве – рядом с южноафриканскими зулусами.

При сравнении диких племен с цивилизованными народами мы ясно видим, как шаг за шагом быт малокультурных обществ переходит в быт более передовых народов, как легко распознается связь между отдельными формами быта тех

[1] Из книги Э. Тэйлора «Первобытная культура».

и других. Для этого нужно только обратить внимание на европейского крестьянина, когда он работает своим топором или мотыгой, посмотреть, как он варит или жарит свою пищу на костре, выяснить, какое место занимает пиво в его мечтах о счастье, послушать его рассказы о привидениях, будто бы появляющихся в каком-нибудь доме, или о племяннице фермера, которую колдовство довело до припадков и даже свело в могилу. Если мы при этом будем избирать предметы, мало изменившиеся в течение столетий, мы получим картину, в которой английский земледелец будет стоять почти рядом со средне африканским негром.

Наше дальнейшее изложение наполнено доказательствами таких совпадений у различных групп человечества, и потому нам незачем останавливаться теперь на этих подробностях.

Нам также приходится обойти здесь вопрос, который мог бы усложнить развитие нашей мысли, а именно вопрос о расах. В рамках поставленной задачи нам представляется возможным и желательным устранить соображения о наследственных изменениях человеческих рас и считать человечество однородным по природе, хотя и находящимся на различных ступенях цивилизации.

При этом, человечество обладает свойством, особенно располагающим к систематическому изучению цивилизации. Мы говорим о том молчаливом согласии или единодушии, которое в такой сильной степени побуждает целые

народы соединяться в употреблении общего языка, в исповедании общей религии, в достижении общего уровня искусства и знания. Благодаря этому обстоятельству мы имеем возможность, оставляя в стороне исключительные факты, описывать народы по некоторому среднему уровню. Вместе с тем у нас является возможность представить себе громадные массы подробностей по нескольким типическим фактам.

После установления этих последних новые случаи, указываемые новыми наблюдателями, прямо занимают соответственные им места, доказывая таким путем рациональность классификации. В устройстве человеческих обществ обнаруживается такая правильность, что мы можем совершенно оставить в стороне индивидуальные различиям обобщить искусства и воззрения целых народов, подобно тому как, смотря на войско с вершины горы, мы не думаем о каждом отдельном солдате, которого притом мы в общей массе почти не можем и различить, а видим только каждый полк, как организованное тело, рассыпающимся или собирающимся, двигающимся вперед или отступающим.

Изучая различные обычаи и воззрения, мы неизменно убеждаемся в наличии причинности, в действии законов закрепления и распространения, сообразно которым явления становятся устойчивыми, характерными элементами общественной жизни на определённых стадиях культуры. Но, отдавая должное доказательствам, мы должны, однако, быть осторожны, чтобы избежать здесь подводных камней, опас-

ных для неопытных исследователей. Без сомнения, взгляды и привычки, одинаково принадлежащие значительной части человечества, в большинстве случаев обязаны своим происхождением здравому суждению и практической мудрости. Но во многих других случаях мы видим совершенно иное.

То обстоятельство, что многие общества людей верили влиянию дурного глаза и различных созвездий, приносили в жертву духам умерших рабов и различные предметы, поддерживали предания об исполинах, убивающих чудовищ, и о людях, обращающихся в зверей, дает основание заключать, что подобные идеи были порождены какими-то определенными причинами. Однако это еще вовсе не позволяет утверждать, что упомянутые обряды действительно полезны, верования рациональны и предания достоверны.

Между свидетельствами, помогающими нам проследить действительный ход цивилизации, существует обширный класс фактов, для обозначения которых я почел удобным ввести термин «пережиток». Это те обряды, обычаи, воззрения и пр., которые, будучи в силу привычки перенесены из одной стадии культуры, которой они были свойственны, в другую, более позднюю, остаются живым свидетельством или памятником прошлого. Иногда старинные идеи или обычаи вдруг оживают вновь, к удивлению мира, который их считал давно уже умершими или умирающими; здесь пережиток переходит в рецидив.

Как ни незначительны большей частью сами по себе пе-

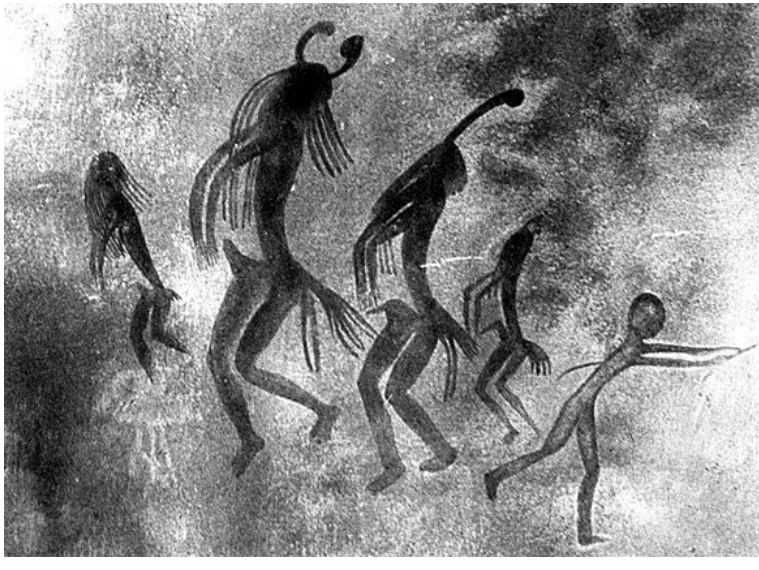
режитки, изучение их в такой мере способствует выявлению хода исторического развития, что приобретение ясного воззрения на природу пережитков является одной из самых жизненных сторон исследования.

* * *

Все более несомненным оказывается, что даже кажущиеся особенно произвольными и безмотивными явления так же неизбежно должны быть помещены в ряду определенных причин и следствий, как и факты механики. Может ли, например, быть на общий взгляд что-нибудь более неопределенное и неподчиненное правилам, чем продукты воображения в мифах и баснях? Однако всякое систематическое изучение мифологии, опирающееся на обширное собрание фактов, обнаруживает в этих порождениях фантазии последовательный переход от одной стадии к другой и в то же время однообразие результата вследствие однообразия причины. Здесь, как и везде, беспричинная произвольность явственно отступает все далее и далее, как объяснение, которое приемлемо лишь для невежд. Все больше оттесняется также и случай, который для малоразвитых умов все еще является реальной причиной событий, необъяснимых другим путем, тогда как для образованного человека подобное объяснение тождественно незнанию.

Только не умея заметить непрерывную связь в событи-

ях, люди бывают склонны приходить к идеям о произвольных импульсах, беспричинных движениях воли, о случайности, бессмысленности и неопределенной безотчетности. Если детские игры, бесполезные обычаи, нелепые суеверия счесть произвольными на том основании, что никто не может сказать с точностью, как они произошли, то подобный вывод напомнит нам ход мыслей, к которому некоторые исключительные свойства дикого риса привели одно из племен краснокожих индейцев, склонное во всей остальной природе видеть гармонирующее действие одной контролирующей воли. Великий дух, говорили вероучители племени сиу, создал все, кроме дикого риса; рис же произошел случайно.



Магический обряд. Наскальный рисунок

«Человек, – сказал Вильгельм Гумбольдт, – всегда все ставит в связь с тем, что пред ним имеется». Мысль о непрерывности цивилизации, содержащаяся в этом выражении, вовсе не какое-то сухое философское положение. Она приобретает совершенно практическое значение в силу простого соображения, что всякому, желающему понять свою собственную жизнь, необходимо узнать последовательные ступени, которые привели его воззрения и привычки к их настоящему состоянию.

Огюст Конт едва ли преувеличил эту необходимость, вы-

сказав в начале своей «Позитивной философии», что «никакая идея не может быть понята без ее истории». Всегда бывает опасно отрывать какой-либо обычай от связанных с ним событий прошлого, относиться к нему как к изолированному факту и пытаться только путем догадок приходить к некоторому удовлетворительному объяснению его.

Нигде, быть может, исторический подход не является столь необходимым, как в изучении религии. Не следует оставлять без внимания религии диких племен из-за того только, что они грубы и первобытны в сравнении с великими религиозными системами Азии. Вопрос заключается в понимании или непонимании их. Немногие, отдающиеся изучению общих основ религии дикарей, всего чаще находят их только забавными, а познание их бесполезным для остального человечества. В действительности же эти верования и обряды далеко не являются жалким смешением различных нелепостей, напротив, они по-своему последовательны и логичны в такой высокой степени, что легко обнаруживают, даже при самой простой классификации, начала своего образования и развития…

Итак, изучение истоков и первоначального развития цивилизации заслуживает ревностной работы не только как предмет любопытства, но и как весьма важное практическое руководство для понимания настоящего и заключения о будущем. Необходимо использовать всякий путь, могущий привести к знанию, необходимо исследовать любую дверь

и убедиться, нет ли возможности ее открыть. Никакой род фактов и свидетельств не должен быть оставлен без внимания из-за отдаленности или сложности, мелочности или обыденности.

Тенденция новейшего исследования все более и более сводится к заключению, что если закон существует где-нибудь, то он должен существовать везде.

Пережитки и суеверия

Когда какой-либо обычай, навык или мнение достаточно распространены, то действие на них всякого рода влияний долго может оказываться столь слабым, что они продолжают переходить от поколения к поколению. Они подобны потоку, который, однажды проложивши себе русло, продолжает свое течение целые века. Весьма замечательно, что перемены и перевороты в человеческой истории позволяют стольким маленьким ручейкам так долго продолжать свое течение.

Устойчивость пережитков позволяет утверждать, что цивилизация народа, у которого обнаруживаются подобные пережитки, является продуктом какого-то более древнего состояния, в котором и следует искать объяснения ставших непонятными обычаев и воззрений. Таким образом, собрания подобных фактов должны служить предметом разработки как рудники исторического знания.

При обращении с таким материалом необходимо руководиться прежде всего наблюдением того, что происходит теперь. История же должна объяснить нам, почему старые обычаи удерживают свое место в обстановке новой культуры, которая, конечно, никак не могла породить их, а должна была бы, напротив, стремиться их вытеснить.

Что качается суеверия, это название вообще подходит к значительному числу пережитков, например к тем, которые

можно собрать сотнями из книг о народных преданиях и о так называемом оккультизме. Однако слово «суеверие» в настоящее время имеет смысл укора. Хотя этот укор часто с полным основанием может быть отнесен к остаткам вымершей низшей культуры, внедрившимся в живую высшую культуру, он во многих случаях, однако, был бы слишком суров и несправедлив. Для целей этнографа во всяком случае было бы желательно введение такого термина, как «пережиток». Этот термин должен служить простым обозначением исторического факта, каковым уже теперь не может являться слово «суеверие».

К этой категории фактов должно быть отнесено в качестве частных пережитков множество случаев, где от старого обычая сохранилось довольно многое для того, чтобы можно было распознавать его происхождение, хотя сам обычай, приняв новую форму, настолько применился к новым обстоятельствам, что продолжает занимать свое место в силу своего собственного значения.

Тесная связь учения о пережитках с изучением нравов и обычаев постоянно обнаруживается при этнографическом исследовании. И кажется, едва ли будет слишком смелым раз навсегда сказать, что обычаи, не имеющие теперь смысла, являются пережитками и что там, где эти обычаи впервые возникли, они имели практическое или по крайней мере обрядовое значение, хотя в настоящее время, будучи перенесены в новую обстановку, в которой их первоначальный смысл

утерян, они стали нелепостью.

Конечно, новые обычаи, вводимые в известное время, могут быть смешны или дурны, но все-таки они имеют свои мотивы, которые можно распознать. Именно такой способ, заключающийся в обращении к какому-нибудь забытому значению, кажется, вообще лучше всего объясняет темные обычаи, которые некоторым казались проявлением глупости.

* * *

При исследовании сохранения старых воззрений в изменившихся общественных условиях, которые не только им не соответствуют, но даже стремятся совершенно подавить их, много поучительного представляет история одного из самых пагубных заблуждений, какие когда-либо терзали человечество, – история веры в магию.

Место магии в истории, в кратких словах, следующее. Она – по своему основному принципу – принадлежит к самой низшей из известных ступеней цивилизации. У примитивных обществ, которые очень мало участвовали в умственном развитии мира, она сохраняется еще во всей своей силе. Начиная от этого уровня, ее можно проследить и выше, так как многие приемы и навыки дикарей и дальше продолжают сохранять свое место без существенных изменений. С течением времени развились новые приемы, и эта смесь старого и нового сохранилась у новейших культурных народов. Одна-

ко за те века, когда передовые общества приучались подчинять свои мнения все более и более точной опытной проверке, тайноведение упало до простого пережитка, и в этом состоянии большей частью мы и находим его в нашей среде.

Новейший образованный мир, отвергая тайноведение, как презренное суеверие, практически пришел к мнению, что магия относится к низшему уровню цивилизации. Весьма поучительно видеть, что это здравое суждение бессознательно принимается теми народами, развитие которых не настолько продвинулось вперед, чтобы разрушить самую веру в колдовство. В любой стране изолированное или отдаленное племя, уцелевший остаток более древней народности могут приобрести репутацию колдунов. Таковы бирманские туземцы племени лава, которых считают рассеянными остатками какого-то древнего Цивилизованного народа и которых боятся как людей-тигров. Таковы абиссинские буда – кузнецы и горшечники, слывущие в своем краю колдунами и оборотнями.

Особенно любопытно при этом следующее обстоятельство. Те народы, которые с самым неподдельным страхом верят в действительность магического искусства, сплошь да рядом в то же время не замечают факта, что магия по существу свойственна как раз племенам менее цивилизованным, чем они сами, и что там она на своем настоящем месте. Малайцы полуострова, которые приняли мусульманскую религию и культуру, очень высокого мнения о магическом ис-

кусстве отсталых племен своей страны, принадлежащих к их же расе, но оставшихся в своем древнем, диком состоянии. Малайцы имеют собственных чародеев, но считают их ниже колдунов, или пойянгов, грубого племени минтира. К последним они обращаются для излечения болезней и для причинения несчастья и смерти своим врагам. И действительно, лучшей защитой минтира от их более сильных соседей-малайцев служит то, что эти последние стараются не оскорблять их из боязни их магического мщения.

Северная Европа тоже дает примеры подобного рода. Финны и лопари, низкий культурный уровень которых характеризовался таким же колдовством, какое процветает у их сибирских родичей, были вследствие этого предметом суеверного страха для своих скандинавских соседей и притеснителей. В средние века название финна было, а у моряков остается и до сих пор, равнозначным названию колдуна. Лапландские ведьмы имели европейскую славу по своей силе в черном искусстве. Уже после того, как финны поднялись по лестнице культуры, лопари еще целые века сохраняли многое из своих древних, полудиких обычаев, а вместе с тем, конечно, и свое колдовство, так что даже одаренные будто бы магической способностью финны уважали тайную силу народа, более варварского, чем они сами. Рюс пишет в начале нынешнего столетия: «В Финляндии есть еще колдуны, но самые искусные из них думают, что лопари далеко превосходят их. Об очень опытном колдуне они говорят:

„Это настоящий лопарь“. За колдовскими знаниями здешние колдуны отправляются в Лапландию».

Если обратиться от народов к религиям, то поучительно отношение протестантов к католикам. В Шотландии было замечено: «Здесь есть мнение, которого держатся многие… что католический священник может изгонять бесов и излечивать сумасшествие, а пресвитерианское духовенство не имеет такой силы». Бурн говорит об англиканском духовенстве, что народ не считает его способным заклинать духов, и уверяет, что никто не может изгонять бесов, кроме католических священников. Эти сообщения неновы, но в Германии такое положение вещей, кажется, продолжается еще и до сих пор. Протестанты обращаются к католическим священникам и монахам за помощью против колдовства, для изгнания бесов, освящения трав и для определения воров и, таким образом, с бессознательной иронией оценивают отношение Рима к современной цивилизации.

* * *

Тайноведение зиждется на ассоциации идей – способности, которая лежит в самом основании человеческого разума, но в немалой степени также и человеческого неразумия. В этом ключ к пониманию магии. Человек еще в низшем умственном состоянии научился соединять в мысли те вещи, которые он находил связанными между собой в действи-

тельности. Однако в дальнейшем он ошибочно извратил эту связь, заключив, что ассоциация в мысли должна предполагать такую же связь и в действительности. Руководясь этим, он пытался открывать, предсказывать и вызывать события такими способами, которые, как мы видим это теперь, имели чисто фантастический характер. Благодаря обширной массе фактов из дикой, варварской и цивилизованной жизни можно ясно проследить развитие магических искусств, происшедших из такого ошибочного смешения идеальной связи с действительной связью, от низшей культуры, в которой они возникли, до высшей, которая сохранила их.

Возьмем, например, способы, посредством которых будто бы можно на далеком расстоянии оказывать влияние на человека, действуя на какие-нибудь близкие к нему предметы, на его вещи, платье, которое он носил, и особенно на обрезки его волос и ногтей. Немецкий крестьянин в течение всего времени – от дня рождения своего ребенка до его крещения – не позволяет отдавать что-либо из дому, чтобы колдовство не подействовало через эти вещи на не окрещенного еще ребенка. Как колдуны негров, когда их больной не пришел к ним лично, могут гадать по его грязному платью или шапке, так и наш «ясновидящий» обычно говорит, что симпатически чувствует впечатления от находящегося на далеком расстоянии человека, если имеет клочок волос или что-нибудь другое, что было в соприкосновении с этим человеком.

Германский крестьянин с удивительным простодушием

уверяет, что если собака воет, глядя в землю, то это предвещает смерть, если же она смотрит вверх, – то выздоровление от болезни. По общераспространенному в Европе поверью в доме умирающего должно отпереть замки и отодвинуть задвижки, чтобы не задержать его душу. Гессенский парень думает, что он может избавиться от рекрутства, если будет носить в кармане шапочку девочки – символический способ отогнать возмужалость. Современные сербы с танцами и пением водят маленькую девочку, убранную листьями и цветами, и выливают на нее чашки воды, чтобы вызвать дождь. Моряки при штиле иногда высвистывают ветер, однако вообще-то они не любят в море свиста, который поднимает свистящий ветер. Рыбу должно есть от хвоста к голове, говорит житель Корнуолла, чтобы привести головы других рыб к берегу, потому что если их есть неправильным способом, то рыба поворачивает от берега. Тот, кто обрезался ножом, должен вытереть его жиром, и пока нож высыхает, рана заживет. Это – пережиток, уцелевший от тех времен, когда в фармакопее были распространены рецепты симпатических мазей.

Как ни странны эти понятия, надо помнить, что они возникли естественно, по определенному умственному закону зависят от принципа ассоциации идей, механизм которой мы можем вполне понять, хотя и отрицаем ее практические результаты. За примером можно снова обратиться к проницательному лорду Честерфильду, слишком умному, чтобы по-

нимать глупость. В одном из своих писем он рассказывает, что король был болен и народ ожидал дурного исхода болезни, потому что самый старый лева Тауэре, почти ровесник короля, только что умер. «Так дик и причудлив человеческий ум», – восклицает он. Но, конечно, эта мысль не была ни дикой, ни причудливой. Она просто была одним из аргументов по аналогии, неверность которых образованный мир с большим трудом наконец научился понимать, но которые – и в этом нет никакого преувеличения – до настоящего времени сохраняют значительный вес в глазах четырех пятых человеческого рода.

* * *

Обзор тех волшебных искусств, которые были систематизированы в мнимые науки, обнаруживает в них тот же основной принцип. Таково учение о снах, здесь перед нами снотолкование, искусство извлекать предвещания из снов, которые рассматриваются как сверхъестественные явления. Нельзя выбрать лучшие образцы для иллюстрации основного принципа подобных мистических объяснений, чем приводимые в Библии подробности и толкования снов Иосифа о снопах, о солнце, луне и 11 звездах, о вине и корзине с хлебами, о тощих и жирных коровах, о пустых и полных колосьях. Снотолкование, дающее такое символическое объяснение виденному во сне, известно и примитивным племенам.

Рассказывают, что целое австралийское племя переселилось вследствие того, что кто-то из туземцев увидел во сне сову известной породы, а их мудрецы объяснили, что этот сон предвещает нападение другого племени. Камчадалы, придающие большое значение снам, некоторым из них приписывают специальное значение. Так, например, увидеть во сне вошь или собак означает посещение русского путника.

Зулусы, узнав из опыта, насколько ошибочно ожидать прямого и буквального исполнения снов, но все же продолжая верить в их вещий характер вдались в другую крайность. Если в случае чьей-нибудь болезни они видят во сне, что больной умер, что его вещи разбросаны, что его хоронят с плачем и причитаниями, то они говорят: «Мы видели его смерть во сне, стало быть, он не умрет». Если же они видят во сне свадебные танцы, то это признак похорон. Маори также думают, что видеть во сне родственника умирающим – к выздоровлению, а видеть его здоровым – к смерти. Таким образом, оба названных народа, следуя тому же извращенному логическому пути, какого держались наши предки, выработали аксиому, согласно которой «сны всегда говорят противное».

Просматривая длинные списки правил античного, восточного и новейшего народных снотолкований, теряешь надежду открыть первоначальный смысл всех их вариаций. Многие из них строились на намеках, понятных в свое время,

но темных теперь. Мусульманское толкование сна о яйцах, как относящегося к женщинам, потому что женщины, по изречению Мухаммеда, уподобляются яйцу, укрытому в гнезде, служит образцом того, как правила снотолкования могут строиться на отдаленных ассоциациях, выяснение которых невозможно, если только случайно не сохранился ключ к ним.

Многие правила снотолкования, по-видимому, приняты были наудачу, чтобы просто дополнить списки предзнаменований и подходящих к ним совпадений. Можно ли догадаться, почему, например, видеть во сне жареное мясо означает, что видевший это будет клеветником, или почему смех во сне предвещает трудные обстоятельства, или игра на фортепиано означает смерть родственника?

Гораздо замечательнее, однако, другая сторона дела, а именно своеобразная, хоть и явно нелепая, логика многих снотолкований. Можно только предполагать, что тот символизм, на котором основана вера в вещие сны, благоприятствовал сохранению и новому составлению таких правил снотолкования, которые представляли видимый смысл.

Возьмем мусульманское убеждение, что видеть во сне что-нибудь белое, зеленое или воду – хорошее предзнаменование, а видеть черное, красное или огонь – дурное, что пальма означает араба, а павлин – короля и что тот, кто во сне ест звезды, будет сотрапезником какого-нибудь важного человека. Возьмем античные правила, которые заключаются

в «Снотолковании» Артемидора, и пройдем через средневековые трактаты до тех сонников, что еще покупаются служанками в грошовых книжных лавках на ярмарках. Мы увидим, что древние правила еще в значительной степени сохраняются и что половина этих правил еще имеют свой первоначальный мистический смысл. Они построены на принципе либо прямого (большей частью), либо обратного толкования.

Дурной запах означает неприятность, а мытье рук – избавление от беспокойства. Обнимать кого-нибудь из самых любимых – очень счастливое предзнаменование. Отнятые ноги означают путешествие; плакать во сне – к радости, а потерять во сне зуб значит потерять друга. Тот, кто видел во сне, что у него вынули ребро, вскоре увидит смерть своей жены. Гоняться за пчелами к прибыли. Женитьба во сне означает, что умер кто-нибудь из родных. Кто видит много кур вместе, тот будет ревнив и ворчлив, а тот, кого проследует змея, должен остерегаться злых женщин. Видеть во сне смерть – к счастью и долголетию. Плавать и ходить по воде вброд – хорошо, лишь бы голова была над водой. Ходьба во сне через мост предвещает, что вы оставите хорошее положение, чтобы искать лучшего, а видеть во сне дракона означает, что вы увидите важного господина, вашего начальника или какого-нибудь чиновника.

* * *

Особо следует сказать об астрологии. Граф де Местр, с своей обычной манерой извращать факты, говорит, что астрология, без сомнения, связана с первостепенной важности истинами, которые у нас были отвергнуты как бесполезные или опасные или которых мы не можем распознать в их новой оболочке. Здравое обсуждение предмета скорее оправдывает противоположное мнение, именно что астрология основывается на грубейшем заблуждении. Последнее выражается в том, что поверхностная, существующая только в воображении аналогия ошибочно принимается за действительную связь.

По своему огромному отрицательному влиянию на человечество астрология, еще недавно остававшаяся важной ветвью философии, имеет право на самое высокое место среди тайных знаний. Древняя история астрологии темна, но ее разработка, тщательная систематизация, без сомнения, были делом цивилизованных народов древнего и средневекового мира. Можно предполагать, что большая часть ее законов потеряла свой логический смысл или никогда его не имела, но происхождение многих других, в значительной степени основывающихся на прямом символизме, еще до сих пор очевидно. Таковы законы, связывающие солнце с золотом, гелиотропом и пионом, с петухом, которые возвещает день,

с такими великодушными животными, как лев и бык, а месяц – с серебром и изменчивым хамелеоном, с пальмой, о которой думали, что она каждый месяц дает новые отростки. Прямой символизм очевиден в главном принципе вычисления гороскопов, в понятии об «асценденте», по которому часть неба на востоке в минуту рождения ребенка считается связанной с ним и пророческой для его последующей жизни.

Существует следующий старинный рассказ. Однажды, когда два брата заболели оба в одно время, врач Гиппократ заключил из этого совпадения, что они были близнецами. Астролог Посидоний, однако, решил, что скорее они рождены оба под одним созвездием. Мы можем прибавить, что и тот и другой вывод мог бы показаться дикарю разумным.

Одно из самых любопытных астрологических учений, сохранившее свое место и в современных народных поверьях, есть учение о существовании симпатической связи между ростом и упадком в природе и фазами Луны. В числе античных предписаний мы находим следующее: класть яйца под наседку в новолуние, а деревья сажать, когда месяц идет на ущерб и после полудня. Литовское правило отнимать от груди мальчиков во время прибыли Луны, а девочек на ущербе, без сомнения, для того, чтобы сделать мальчиков крепкими, а девочек нежными и деликатными, вполне согласуется с тем, что оркнейские островитяне сопротивляются бракам в другое время, кроме времени прибывания Луны, а другие требуют даже. чтобы они совершались во время прилива.

Мнение, что погода изменяется вместе с четвертями Луны, и до сих пор крепко держится в Англии. Метеорологи, которые со всем усердием ловят всякое наблюдение, отвечающее фактам, совершенно отвергают это мнение, которое, по-видимому, действительно целиком относится к народной астрологии. Как рост и увядание растений связывали с прибылью и убылью Луны, точно так же и перемену погоды стали связывать с лунными фазами, тогда как, по рассуждениям астрологов, совершенно все равно – была ли перемена Луны действительно, в новолуние или полнолуние, или воображаемой, в промежуточные четверти. Тот факт, что образованные люди, которым доступны точные метеорологические таблицы, еще верят в эти приметы, составляет интересный случай пережитка в современной культуре.

В случаях, подобных этим, астролог имеет действительную аналогию, хотя бы и обманчивую, которую он может взять в основание своего закона. Но большая часть его мнимой науки основана, по-видимому, на еще более несостоятельных и произвольных аналогиях не вещей, а названий. Названия звезд и созвездий, знаков, обозначающих области неба и временные периоды, как бы они ни были произвольны, составляют для астролога материал, который он может разрабатывать и ставить в связь с житейскими событиями. Достаточно было астрономам разделить видимый на небосклоне путь Солнца воображаемыми знаками зодиака, чтобы из этого возникли астрологические законы, согласно ко-

торым эти небесные знаки имеют будто бы действительное влияние на настоящих земных овнов, тельцов, раков, львов, дев. Ребенок, рожденный под знаком Льва, будет мужественным; тот, который рожден под знаком Рака, недалеко пойдет в жизни; рожденный под Водолеем, вероятно, должен утонуть, и т. д.

Около 1524 г. Европа ожидала в молитве и страхе второго потопа, который по предсказаниям, должен был произойти в феврале этого года. Когда роковой месяц приблизился, жители прибрежных мест толпами двинулись на горы: некоторые из них, чтобы спастись от воды, запаслись лодками, а президент Ориаль, в Тулузе, построил себе Ноев ковчег. Потоп этот был предсказан великим астрологом Штефлером, который, говорят, первый ввел предсказания погоды, помещающиеся в наших календарях. Его выводы имеют то преимущество, что они совершенно понятны и до сих пор: в феврале 1524 г. три планеты должны были сойтись в водяном знаке Рыб.

Достаточно было даже того, чтобы астрономы распределили между планетами имена известных божеств, как планеты приобрели в силу этого свойства своих божественных тезок. Так, планету Меркурий стали связывать с путешествиями, торговлей и воровством, Венеру – с любовью, Марса – с войной. Юпитера – с силой и бодростью. На всем Востоке астрология еще остается в полном уважении. Состояние средневековой Европы в этом отношении может отлично

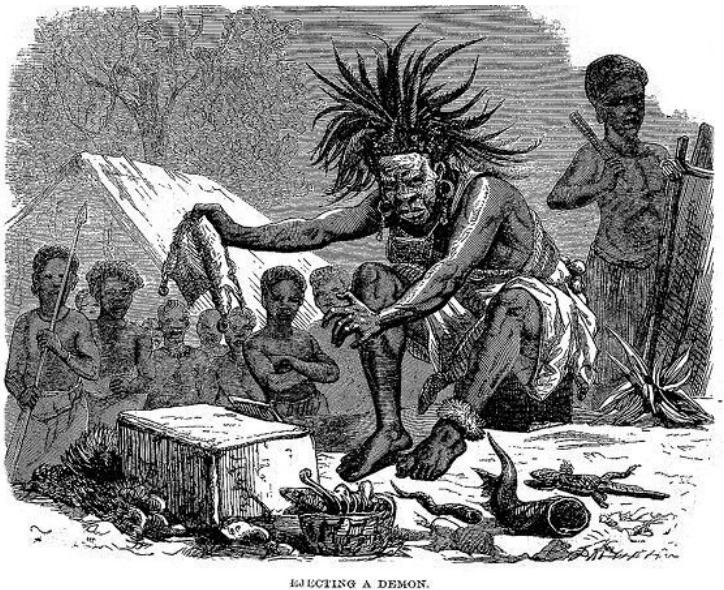
представить себе нынешний путешественник по Персии, где шах по целым дням ожидает за стенами своей столицы, чтобы созвездия дозволили ему войти в нее, и где в дни, назначенные звездами для кровопускания, кровь буквально течет потоками из лавок цирюльников на улицу.

* * *

Признавая приведенные здесь факты достаточно наглядными образцами символической магии, мы можем теперь спросить: неужели во всей этой чудовищной смеси нет ровно ничего истинного или ценного? Практически оказывается, что действительно нет и что мир целые века опутан был слепой верой в такие действия, которые не стоят ни в какой связи с их предполагаемыми последствиями и которые столь же хорошо можно истолковывать в совершенно противоположном смысле. Плиний именно в магии видел учение, достойное его особого внимания, «по той самой причине, что она была самым обманчивым из искусств, а между тем господствовала в мире в продолжение стольких веков». Если задаться вопросом, каким же образом подобная система могла держаться не только независимо от реальных фактов, но даже наперекор им, то ответить на это, кажется, будет нетрудно.

Во-первых, не надо забывать, что тайноведение держалось не одной только собственной силой. Как ни ничтожны были

магические приемы, на практике они соединялись с другими приемами, вовсе не ничтожными. То, что считалось священным предвещанием, на деле часто бывало остроумной догадкой ловкого человека о прошедшем и будущем. Гадание служит колдуну только предлогом к настоящему расследованию, точно так же как «суд божий» дает ему неоцененный случай допросить виновных, чьи дрожащие руки и двусмысленная речь выдают разом и их тайну и их полную веру в способность колдуна открыть эту тайну. Пророчество должно исполниться, и маг, вселяя в сознание жертвы уверенность, что роковые искусства действуют против нее, иногда мог убить своего пациента этой мыслью, словно материальным оружием. Совмещая часто в своем лице жреца и колдуна, маг имеет на своей стороне всю силу религии.



EJECTING A DEMON.

Колдун, изгоняющий демонов

Будучи часто человеком влиятельным и всегда неразборчивым в средствах интриганом, он может действовать и колдовством и вместе с тем силой власти, заставляя свою левую руку помогать правой: являясь часто лекарем, он может помогать своим пророчествам о жизни и смерти лекарствами или ядом, тогда как ловкие фокусы немало содействуют поддержанию его сверхъестественного престижа.

Во-вторых, что касается очевидности и обоснованности очевидности, то магия имеет свое начало вовсе не в обмане

и, кажется, редко употреблялась как явный обман. Вообще колдун изучает свою столь прославленную древним возрастом профессию совершенно добросовестно и сам более или менее сохраняет веру в нее от начала до конца; являясь в одно и то же время обманщиком и обманутым, он соединяет энергию верующего с хитростью лицемера. Если бы тайные знания придуманы были просто с целью обмана, то достаточно было бы простых нелепиц, которые вполне отвечали бы цели, а между тем здесь мы находим обработанную и систематизированную псевдонауку. На деле – это искренняя, но ошибочная система воззрений, выработанная человеческим умом путем таких процессов, которые во многом еще понятны для нашего собственного ума. Это и составляет ее первоначальную основу. И хотя факты свидетельствовали против нее, свидетельства эти только недавно и постепенно стали действовать разрушительно.

Общий взгляд на практическое действие этой системы может быть приблизительно таков. Большая часть удачных случаев должна быть отнесена за счет естественных средств, только выдаваемых за магические. Точно так же известное число случаев могло быть удачным только по чистой случайности. Значительно большая доля, однако, была тем, что называется неудачей, но именно эту часть маг по профессии и не принимает в расчет, действуя главным образом при помощи словесных уверток и бесстыдной наглости. Он рассыпается в двусмысленных фразах, которые дают ему три или че-

тыре шанса против одного. Он в совершенстве умеет выдвинуть затруднительные условия, чтобы потом свалить неудачу на несоблюдение этих условий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.